

ФРЕТА ТАФРЕНОВА

ДНЕВНИК ВОЕННЫХ СБОРОВ

Ведение дневника рассматривается многими исследователями как неотъемлемая часть работы этнографа и социолога при осмыслении «другой» культуры. При этом особое внимание часто уделяется вопросам взаимоотношения исследователя с изучаемой им средой на том основании, что характер собираемого материала исследования во многом зависит от понимания возможных внутренних и не всегда заметных изменений, произведенных вмешательством этнографа в «нетронутую» до момента исследования среду. В этом случае необходимость ведения дневника обосновывается исходно поставленными исследовательскими задачами. Однако может быть и обратная ситуация, когда само ведение дневника в обычной обстановке повседневной жизни постепенно превращает ее в изучаемую реальность, тем самым изменяя ее.

Данный дневник велся во время прохождения летних сборов в июне 2002 года, по окончании военной кафедры. К ведению дневника, т.е. к своеобразной рефлексивной деятельности, помимо прочего, меня побудило сознание своего отличия от остальных из-за принадлежности к другому полу. Первоначально при нахождении в мужской среде мое самоощущение девушки сводилось к минимуму, отчасти потому, что на первом плане была объективная необходимость: я воспринимала военные сборы как действительно необходимую часть моего обучения в университете. Пытаясь всячески «приравнять» себя к существам мужского пола, я, с одной стороны, упорно игнорировала особые знаки внимания, как, например, предложения помочь, принести для меня нужный стол и т.д. С другой стороны, этот процесс «приравнивания» сводился к попыткам выполнять какие-либо задания лучше остальных (т.е. мужчин). Таким образом, искусственно высвобождаясь из этого чувства «неравенства» я достигала определенного периферийного положения, не имея возможности окончательно переступить определенную черту, за которой меня бы признали как «свою».

В первые дни прохождения военных сборов важную роль играл особый «внешний» фактор, ставящий нас всех (меня и юношей) в равные

условия, снимающий различие между «мы» и «они». Этот фактор состоял в одних и тех же требованиях к учебной деятельности как в классах, так и на плацу, где отработывались различные команды. Причем ежедневное монотонное выполнение и беспрекословное подчинение одним и тем же приказаниям («равня-йсь», «смир-но», «левое плечо впееред», «шагом — марш» и т.д.), отдаваемых «бывшим» сокурсником, а теперь командиром взвода, так сильно вписывалось в «технику тела» сокурсников-солдат, что изменяло обыденные отношения «сокурсник — сокурсник», переводя их в плоскость отношений «начальник — подчиненный» уже и в повседневной жизни. Обязательное для всех ношение одинаковой солдатской формы также было важным фактором в этом процессе «уравнивания» и сближения позиций, в противопоставлении остальному «бесформенному» миру. Когда после учебного дня я снимала форму и возвращалась в город, то очень остро ощущала контраст между солдатским «форменным» состоянием и нормальным «гражданским».

Однако вскоре после начала сборов (через неделю ежедневных поездок за город) действие основного «внешнего фактора», позволяющего мне постепенно приближаться к этой воображаемой грани между «мы» и «они», было частично остановлено. Куратор моего цикла запретил мне оставаться в казарме после окончания учебного процесса (тренировок на плацу, занятий в классах), а также лишил меня возможности приезжать на сборы каждый день.

За все время сборов, стремясь сократить дистанцию, я пыталась свести к минимуму то, что может восприниматься как мое отличие от «них». Прежде всего, я попыталась снизить влияние того, что они, возможно, видят во мне слабую и беспомощную женщину. Это хотя бы отчасти удалось. Опишу две ключевые ситуации:

Поначалу мне не хотели доверять подачу команд. Например, когда мы тренировали строевой шаг, получилось так, что я оказалась на правом фланге, т.е. должна была подавать голосовую команду, но подполковник мне сказал, чтобы я поменялась местами с соседом. Я спросила почему команду не могу подавать я, мне ответили: «потому». Я про себя улыбнулась и подумала: «Ну, это мы еще посмотрим...», — после чего «случайно» не поменялась местами в строю. Потом подполковник сказал, что я *лучше всех* маршировала. Я оглянулась на тех, кто стоял рядом: мне показалось, что они удивлены.

Я решила, что хорошо было бы и дальше выглядеть в их глазах «неплохим» солдатом. Основными элементами подготовки был марш и стрельба, и я решила во что бы то ни стало отличиться. В результате, я оказалось второй в нашем отделении по количеству набранных очков по стрельбе из пистолета Макарова. На следующий день я почувствовала изменившееся к себе отношение: «они» относились ко мне уже не совсем как к чему-то далекому и непостижимому и даже зауважали. Это было видно по тому, как они воспринимали мои шутки («на ура»).

Осознание непреодолимости грани между «мы» и «они», а также сам процесс ведения дневника подтолкнули меня не просто к пассивно-включенному наблюдению за процессами, но и к некоторым экспериментам, которые, если бы я не вела дневник, проводить мне и не пришло бы в голову.

Например, если первое время мои сокурсники стеснялись ругаться при мне (как девушке) матом, то уже через несколько дней совсем перестали обращать внимание на этот фактор. Тогда мне казалось, что такое отношение включает меня в «их» круг, размывает грань «мы — они». Я старалась поощрять своих сокурсников, делая вид, что внимательно слушаю изощренную матерную речь, идя на своего рода эксперимент, нарушая обыденные представления о том, что должна и чего не должна делать «приличная девушка», которой меня считали.

Во время тренировок я заметила, что они с некоторым стеснением перематывали свои портянки, которые были грязными — да и ноги не лучше. Но уже к концу тренировок того же дня, они совсем перестали стесняться.

Однажды для эксперимента, после плаца я решила зайти в казарму, где в это время они переодевались. Казарма, собственно говоря, место, где спят, представляет собой большое вытянутое помещение с обшарпанными сыроватыми стенами, вдоль которых в несколько рядов стоят кровати, образуя своеобразный коридорчик. Я решила дойти до дальней кровати своего однокурника. Мне было интересно, вызовет ли мое появление бурное возмущение (что, возможно, свидетельствовало бы об определенном уровне сплоченности среди «солдат-однокурников» в противопоставлении себя как некоего вынужденного объединенного «мужского» единства, «случайно» оказавшейся в их обществе девушке). Когда я проходила по этому узкому кроватному коридору, мне было немного не по себе — примерно то же ощущение, когда прыгаешь с большой высоты в воду. Однако при моем появлении никаких громких дружных возгласов не последовало, я увидела лишь удивленные взгляды, и чем дальше я шла по этому коридорчику, тем быстрее, потому что сама начала стесняться всей глупости своего положения, но старалась не выдавать этого и с деловым независимым видом шла дальше. По дороге обратно, которая показалась мне такой же длинной, я встретила своего однокурника, который только что вышел из душа, завернутый в полотенце, он прошел мимо меня, но мне не удалось уловить его реакцию, слишком уж быстро он шел, почти бежал. У меня сложилось впечатление, что если бы я жила в казарме, со временем они бы перестали обращать внимание на мое присутствие как на существо другого пола, если бы я сама вела себя «незаметно», т.е. сводя к минимуму явственность своего присутствия как девушки.

Можно предположить, что со временем набор практик, осуществление которых считается неприемлемым в присутствии женщины, постепенно сократился бы. Однако, как я указала выше, эксперимент всерьез

осложнился тем обстоятельством, что мне разрешили ездить на сборы только два раза в неделю. После одного пропущенного дня я обнаружила, что все мои усилия по преодолению границы между «мы» и «они» практически прошли даром. За этот день они получили новый совместный опыт и пережили эмоции, которые их сплотили. В частности, они рассказали мне множество подробностей о том, что у них происходит после отбоя. Например, о том, как пьяный майор строил их несколько раз, каждый раз забывая, что уже это делал. Другим чрезвычайно важным шагом в направлении «от них» стало то, что нас отстранили от принятия присяги, которая завершила их переход в другое состояние, превращение «в настоящих мужчин». Все это отделило, исключило меня из «их» круга. Но даже без этих препятствий окончательно занять «их» позицию было бы невозможно. Мне оставалось лишь приблизиться, по возможности сводя к минимуму восприятие ими нашего несходства.

В целом, процесс ведения дневника позволял мне выходить за рамки, предписанные последовательной логикой прохождения военных сборов. Постоянно нарушая установленные правила игры «мы-они», руководствуясь в своих поступках предчувствием очередного своеобразного эксперимента, я пыталась нащупать эту расплывчатую грань, отделяющую меня как девушку от «солдат-однокурсников», которая с проведением очередного эксперимента то ускользала, то приближалась, никогда не будучи обозначена полностью.

Далее привожу некоторые дневниковые записи, которые более детально передают переживания и ощущения, а также задачи и их изменения, которые я ставила перед собой в период прохождения военных сборов.

Я только что приехала

Нас две девушки: я и дочь кого-то из начальников университетской администрации. Девушка необычная, необщительная, замкнутая, с ней мне сложновато: она не может быть ни моей «сообщницей», ни «соперницей», поэтому приходится искать нечто другое. Трудность еще в том, что нас с ней должны, как мне кажется, воспринимать как нечто единое целое. В первый день, как только мы приехали, нас встретили радостными криками, чуть шапки в воздух не бросали. Однако интересно отметить реакцию на то, что нам не разрешено ночевать в казарме: на их лицах можно было увидеть не только искреннее огорчение, но и злость («Это нечестно!»), — так мне показалось.

Второй день

Во второй день к нам уже попривыкли. Пять часов на плацу мы маршировали, выполняли приказы «смирно» и т.д. Приказы отдавал как под-

полковник, так и один из моих сокурсников, назначенный старшиной. Тут я действительно осознала, почувствовала на себе, какое огромное значение имеют все эти, казалось бы, бесполезные команды в плане «вписывания в тело» моего отношения к сокурснику как к командиру.

19 июня

Эксперимент продолжается...

С ребятами тоже очень интересно общаться, они никак не могут понять: как со мной нужно обращаться: как с товарищем или как с девушкой. Всякие попытки «как с девушкой» и насмешки я пресекаю.

В результате наблюдений этих дней можно сделать более-менее основательное предположение, что занять близкую позицию в «казарменном кругу» невозможно, причем, что интересно, главным образом не из-за того, что я существо другого пола, а потому что я, являясь девушкой, не осуществляю ряд предписанных мужчинам практик. Естественно, что вначале меня интересовал вопрос о том какое место в «сомкнутой» системе может занять чужеродный элемент, попавший туда в результате определенного принуждения (смутное определение... меня же не хотели пускать учиться на военную кафедру, а я проявила настойчивость). Пока я не понимаю... Дело в том, что мы там не спим и не едим, а ходим только на занятия, и таким образом исключены из основных сфер «взаимопроникновения». С другой стороны, на плацу к нам предъявляются такие же требования. Посмотрим, что дальше будет. Сами между собой они, так вроде бы тоже не очень общаются — не до того (усталость? непривычка?).

Я бы считала эксперимент относительно удавшимся, если бы мне удалось занять позицию в социальном пространстве, приближенную к их позиции, т.е. попытаться уменьшить социальную дистанцию, которая частично обусловлена разницей пола (наш — женский) и разницей в предъявляемых к нам требованиях (мы ездим домой, они — нет). Как можно сократить эту дистанцию?

Сзади меня в колонне идет Л., мой однокурсник, он берет меня за плечи и поворачивает, чтобы я правильно шла (на факультете мы с ним мало общались), я, может, несколько резко одернула его (впредь надо быть осмотрительнее и мягче, наверное).

Сегодня один мой одноклассник чуть не подрался (прямо на плацу!) с человеком из другого взвода.

В нашем взводе также уже нашелся «козел отпущения». Мальчик слишком уж эмоционален, носит очки, тощий. Его называют Вальтроном. Наверное, потому что очень уж смешно он марширует.

Сегодня я продолжала искать себе жилье в С., так как ездить каждый день получается очень дорого. Все отказываются сдать мне «угол», я обошла буквально все деревянные домики, но у каждого находится причина: то внуки приезжают, то сами часто куда-то отлучаются. Причем я старалась быть как можно обаятельной и как можно более подробно объясняла причину того, почему я хочу снять жилье на три недели. В конце концов, я спросила у одной бабуси: «Может, вы просто боитесь?» Тогда мне начали рассказывать кучу разных ужасиков, о том, как опасно сдавать комнату незнакомому человеку. Я поняла, что мне, таким образом, будет очень тяжело найти жилье.

Одна женщина предложила мне жить в каком-то заброшенном доме с работягами с Украины. Я подошла, посмотрела на этот дом... Но меня смутил не дом, а сами работяги... Один мужчина вообще предложил жить с ним. Причем было очень интересно его послушать. Ему лет 50–60, он был немного пьян. «Я вам сочувствую, вы понимаете, но чтобы ни... у меня есть комната... я буду отлучаться... есть семья... сын... невестка... я вам сочувствую, понимаете.» На вопрос об оплате он: «ну вы сами понимаете... как бюджет...» Просто из любопытства, чтобы посмотреть на его реакцию, я согласилась и попросила осмотреть на жилье. Очень странно, но от отказался, даже, возможно, слегка удивился. И опять повторил «я вам сочувствую» и назвал адрес (это был каменный дом).

Вконец расстроившись, я случайно встретила майора (?) из нашей части, рассказала ему ситуацию, он сказал, что что-нибудь придумает. Посмотрим... Завтра у нас стрельбы...

20 июня

Я умышленно вчера не все дописала о своем разговоре с майором, побоявшись слезить. (:)). Я его встретила в С., шла по дороге и ела банан. Он мне еще раньше глазки строил, а тут предложил перейти на ты и называть его по имени. Я ему довольно-таки эмоционально изложила свою историю, а он был, по-моему, слегка пьян. Намекнула, что можно было бы и жить в казарме, назвала комнату, где можно жить. Он сказал, что поговорит со старшиной роты, сделает еще один ключ, сказал, что не стоит говорить об этом полковнику З. Я поехала домой тогда почти счастливая.

Итак, я приехала на стрельбы, попросила старшину роты присмотреть за дверью (чтобы не заходили).

До стрельбища нужно было пройти пять километров. Дорога показалась мне приятной, сосенки... шишечки... запах елового леса, голубое небо...

На стрельбище каждое отделение выполняло свою задачу: кто-то собирал-разбирал оружие, кто-то отвечал за правила техники безопасности..., а потом переходил на следующий этап. Я ответила А. правила, затем наше отделение направили на подготовку к стрельбе из АК (Калашникова). Подготовиться мне не дали. Буквально сразу же меня позвал куратор цикла З. и сказал: «Одевайте винтовку, каску, противогаз, сейчас будете стрелять». Я даже слегка испугалась: последний раз я держала АК на втором курсе (мы его тогда разбирали-собирали). Но делать было нечего: приказ есть приказ. Со мной стрелял какой-то мальчик, причем хорошо стрелял. Я так и не поняла, сбита я мишень или нет, потому что меня оглушило выстрелами и я не услышала крик наблюдателя о результатах... До нас двоих стреляла А. и кто-то в гражданском. Этот человек потом, я заметила, разговаривал о чем-то с А. Я после подошла и спросила ее, кто это. Ее отец. Я была очень удивлена. Так просто пустить человека пострелять! Оказалось, что они учились вместе с полковником.

После того как мы вчетвером отстрелялись из пулемета (я, тот мальчик, А, ее отец), нас послали стрелять из ПМ (пистолета Макарова). По дороге оказалось, что мальчик – сын полковника!!! «Вот так номер», – подумала я. Из пистолета я набрала 14 баллов (из наших только два приемлемых результата: мой и Р. – 18, у остальных – 6). Сын полковника набрал 23. Потом он сказал, что тренировался (было бы странно обратное).

В казарме полковник З. предложил мне пообедать! (Раньше этот вопрос строго отменялся.) Я согласилась. Мы обедали в обычной солдатской столовой, кормили нормально (суп из перловки, греча с мясом, вот кисель – отравка). Вели практически светскую беседу. Но боюсь, что я слишком уж много вопросов задавала, получалось нечто вроде интервью. Не знаю, зачем он пригласил меня обедать... он ничего просто так не делает... посмотрим...

До обеда я рассказала ему ситуацию с жильем (все отказываются). Он предложил ездить не каждый день и наотрез отказался от моей робкой попытки предложить ему в качестве возможного решения проблемы место ночлега на складе (там целых четыре нормальные кровати!).

22 июня

Сегодня я была в части только до 12 дня. Боюсь, что мой эксперимент не удастся... По порядку.

Как всегда я приехала к 9 утра, старшина открыл сушилку, где хранились мои вещи, я переоделась. Наш взвод пошел на плац. Там нас тренировали для воскресной присяги. Под бой барабанов. Я шла в предпослед-

ней шеренге, за мной – А., которая все-таки приехала... Мы все время смеялись, настроение было очень хорошее. Где-то через час после начала тренировки приехал важный военный чиновник, и нас повели обратно в Казарму.

Интересным моментом в этот день надо считать мою беседу с полковником, куратором цикла. Он нас с А. попросил пройти в его «штаб» и обсудить план будущих занятий. Вчера я ему изложила суть своей проблемы (деньги на дорогу) и искренне надеялась, что он разрешит мне жить в казарме. В результате, он предложил ездить только два раза в неделю. Это рушит буквально все мои замыслы по включенному наблюдению. А как жаль! Причем важно, что во время разговора о занятиях большую часть времени он смотрел на А. Таким образом, у меня создалось впечатление, что вся эта дурацкая «сокращенная» программа делалась исключительно для нее. Он сказал, что к присяге мы приводится не будем, так как был приказ «сверху». Откуда «сверху»? – этого я не знаю. Я пыталась подвести разговор к тому, что это он сам так решил, но мне это не удалось. Очень умелый собеседник.

Задал вопрос о том, хотим ли мы присутствовать на присяге. (Мне показалось, что этот вопрос был обращен большей частью к А.) Я сразу сказала, что да, хочу пройти в строю вместе со всеми. А. не хотела. Тогда полковник пошел и вытащил фотографии прошлых лет со сборов, показал нам – наверное, для вдохновения. У меня даже создалось впечатление, что он уговаривал ее присутствовать на присяге («Там будет декан, с ним можно будет сфотографироваться...»). Рассказал о девушках, которые в прошлом году были на сборах и прошли их полностью (ели и спали в Казарме). Сказал также, что одна из них вышла замуж за одного из офицеров (не пытался ли он выяснить у меня: не хочу ли я тоже за какого-нибудь военного замуж?).

По дороге домой в маршрутке я пыталась выяснить у А., зачем она пошла на военную кафедру... Оказалось, что инициатива принадлежит родителям. Я попыталась также узнать, подготовлено ли уже место для нее где-нибудь в «строю», но она упорно отрицает, говорит, что «будем пробиваться сами».

24 июня

Вчера мы принимали присягу. Я не писала вчера, т.к. была слишком расстроена. Утром мы приехали с А. в казарму, немного опоздали, я ее торопила. Когда мы подошли к воротам, там уже стояло несколько приехавших «зрителей», у самих ворот нас даже спросили: «Вы куда?» Когда мы ответили, что мы тоже курсанты, нас с недоверием, но все же пропустили. На плацу уже стояли выстроенные колонны. К нам подошел

куратор и сказал, что сейчас будет проведен ритуал непосредственного приведения к присяге, во время которого нам нужно стоять где-нибудь сзади, не в строю. После приветствий, зазвучал гимн РФ, на меня даже нахлынули патриотические чувства. В голове почему-то понеслись мысли о том, что вот я, девушка, нахожусь в данный момент там, где вроде бы девушка не должна находиться. Мне это нравилось почему-то, я получала какое-то удовольствие именно от самой важности момента. Началось. Курсантам приказали вынести столики, у которых и производилась присяга, каждый выходил из строя, с Калашниковым, который передавался из рук в руки тому, кто приводился к присяге.

Я всматривалась в их лица, когда они произносили текст клятвы. Мне показалось это удивительным, но все они были как-то сосредоточены и даже серьезны, они были горды тем, что принимали присягу! После этого они шли в конец строя, где стояла я. К ним подходили их родители, друзья, пожимали им руки. Я тоже протягивала всем руку. И вот тогда я и стала ощущать какую-то горечь, обиду, чувство собственной неполноценности! Мне показалось, что все это очень отдаляет меня от них... Почему-то только сейчас я чувствую своеобразное облегчение от того, что не приняла присягу. С одной стороны, это говорит о моем серьезном отношении к этой клятве, а с другой — о моей внутренней неготовности принять на себя такую ответственность.

Среди зрителей был декан, ректор, преподаватель английского языка (его сын тоже принимал присягу). После присяги была речь ректора, в нашем строю над ней немного смеялись. Сейчас не помню, над чем именно. Выступил также и курсант из нашей роты. «Нашим» его речь явно понравилась, со всех сторон я слышала одобрительные возгласы.

Потом дали минут на 10 команду «разойдись». Все стали фотографироваться. Я фотографировалась с деканом, своим преподавателем, однокурсниками. Это тоже было своеобразной частью ритуала.

Среди поздравительных речей я слышала: «Теперь ты стал настоящим мужчиной!» Для меня все это было действительным открытием, потому что в моем представлении, сами мальчишки очень недолюбливали армию, стремились увернуться от нее любыми путями. А тут все вышло как бы наоборот. Их всех практически захлестнули патриотические чувства! Я было очень удивлена произошедшей с ними перемене. Неужели за шесть дней можно все это было им «втюхать» в голову? Маловероятно. Выходит, что все их высказывания вроде: «да на что мне эта армия», или «больно мне это нужно» и т.д. были просто бравадой?!

Я не знаю, вполне возможно, что я в чем-то ошибаюсь, что-то преувеличиваю, так как сама нахожусь под влиянием нахлынувших на меня вчера патриотических чувств.

Прозвучала команда встать в строй. Приготовиться к торжественному маршу. Нас к нему готовили все шесть дней. Мальчишки волновались. Для меня все это было удивительным: в самом начале, первые дни было столько смеха, а теперь я увидела, что за эти дни в их отношении к армии произошла определенная перемена, впрочем, практически тоже самое я могу сказать и о себе.

Нас с А. поставили в предпоследнюю шеренгу, мы не были направляющими, но спорить было уже некогда и не к месту. Ну и ладно. Когда мы маршировали, мальчишек охватила какая-то сплоченность: все очень старались не выбиться из шеренги, подбадривали друг друга. Когда мы проходили мимо зрителей, я услышала: «Девчонки-то, девчонки, молодцы какие!» Прошли мы вроде бы нормально.

Второй раз надо было идти с песней. Вроде тоже неплохо прошли. Потом была команда идти в казармы, и — в увольнение на день. В казарму пустили и зрителей. Именно там наши мальчишки подписывали еще раз какие-то бумаги в своем личном деле. Эта часть была более важной, в смысле значимости бумаг. Всех выстроили в шеренгу и как на призыве вызывали по фамилии. Потом запустили «зрителей». Все опять фотографировались со всеми. Мне было очень грустно, я очень остро почему-то ощутила свое одиночество...

Когда ехала домой в маршрутке, даже немного всплакнула.